

другу табачку, нюхали его и флегматично разговаривали. Я подошелъ къ нимъ, сунулъ руку въ карманъ и отдалъ имъ все, что у меня было; они поглядѣли на меня съ недоумѣніемъ, точно хотѣли спросить, въ чемъ дѣло, но я предупредилъ ихъ и произнесъ весело и внушительно: „Государь былъ у меня!“ — „А-а!“ — отвѣчали они протяжно, точно только-что просыпаясь; но, секунду спустя, они хоромъ запѣли: „Покорно васъ благодаримъ... дай вамъ Богъ здоровья!“ Поднимаясь по лѣстницѣ, встрѣчаю профессора **, кланяюсь ему и думаю: „онъ-то навѣрное скажетъ мнѣ что-нибудь пріятное“. — „А скажите, пожалуйста, — говоритъ онъ: — что вы тамъ такое сдѣлали?“ — И вѣдь только-что былъ у меня съ Государемъ. Положимъ, онъ оставался сзади, благодаря узкости помѣщенія, но могъ же подойти потомъ, какъ это дѣлали другіе. Что мнѣ было отвѣчать? Ничего! Я такъ и сдѣлалъ.

Кстати расскажу нѣсколько курьезовъ, касающихся „Ивана Грознаго“. — Я имѣлъ столъ у портного. Хозяйка сильно заинтересовалась „Иваномъ Грознымъ“, въ особенности послѣ посѣщенія Государя. Всякій разъ на мой привѣтъ: „здравствуйте!“ она отвѣчала: „что, готовъ?“ Подразумѣвался „Иванъ Грозный“. Конечно, я давалъ ей отрицательные отвѣты; она недоумѣвала и рѣшилась серьезно поговорить со мною.

— „Слушайте, — начала она: — чего тамъ еще недостаетъ? Цѣлый годъ какъ работаете, самъ Государь видѣлъ, сказалъ „хорошо“ — чего вамъ еще?“ — „Ахъ ты дурочка! — заступился за меня хозяинъ: — вотъ, понимаешь, я шью сюртукъ, кончилъ, пуговицы пришилъ, наметку вытащилъ, а онъ все-таки неготовъ, потому что еще не выутюженъ. А вотъ, напримѣръ, мѣдникъ: сдѣлалъ онъ кастрюльку, и ручку придѣлалъ, и отшлифовалъ, и все-таки неготово, надо еще вылудить, и тогда только...“ — „А-а... — протянула хозяйка, понявъ наконецъ: — значитъ, надо еще „Ивана Грознаго“ вылудить“...

Муж засмѣялся, махнулъ рукой, и она опять осталась въ недоумѣніи.

А вотъ и второй курьезъ. Когда въ мастерской былъ выставленъ „Иванъ Грозный“ изъ глины, входитъ разъ молодой франтъ въ наброшенной на плечи шинели съ бобровымъ воротникомъ, въ цилиндрѣ и со стеклышкомъ въ глазу.

— „А гдѣ же господинъ художникъ?“ спросилъ онъ громко, среди общей тишины. Ему указали на меня. — „А скажите пожалуйста, — спросилъ меня франтъ: — что онъ выражаетъ?“ Я не желалъ вступать съ нимъ въ бесѣду и лаконически отвѣчалъ: —